
Философия

УДК 130.2:316.752(476)

EDN: XCMGUS

Ценности и социальные координаты в структуре национальной идентичности

А.А. ГАБИНСКАЯ

В статье анализируется природа национальной идентичности как динамического процесса в контексте глобализации. Рассматривается роль ценностных ориентиров и социальных координат в формировании самосознания личности и народа. Особое внимание уделяется инструментам конструирования идентичности в контексте «пробуждения» наций и геополитических вызовов современности. Предлагаются механизмы реализации стратегии формирования «когнитивного резерва нации»: интеллектуальная суверенизация личности; обучение медиаграмотности и цифровой гигиене подрастающего поколения; развитие критического, автономного мышления; формирование вида резистентности к групповому воздействию; нивелирование когнитивных искажений в восприятии действительности; защита субъектности.

Ключевые слова: глобализация, национальная идентичность, кризис идентичности, «пробуждение наций», социальные координаты, ценности.

The article analyzes the nature of national identity as a dynamic process in the context of globalization. The role of value guidelines and social coordinates in shaping the self-awareness of an individual and a nation is considered. Particular attention is paid to the tools of identity construction in the context of the «awakening» of nations and the geopolitical challenges of our time. Mechanisms for implementing the strategy of forming a «cognitive reserve of the nation» are proposed: intellectual sovereignty of the individual; teaching media literacy and digital hygiene to the younger generation; development of critical, autonomous thinking; formation of resistance to group influence; leveling of cognitive distortions in the perception of reality; protection of subjectivity.

Keywords: globalization, national identity, identity crisis, «awakening of nations», social coordinates, values.

Введение. На современном этапе мирового развития сложилась парадоксальная ситуация, характеризующаяся столкновением двух мощных его векторов. С одной стороны, под влиянием глобализационных процессов произошло расширение обмена между людьми, народами и цивилизациями. Сегодня мы наблюдаем формирование единого экономического пространства, цифровизацию социальных связей и возникновение глобальной массовой культуры и т. д. С другой стороны, всеобщая унификация породила мощное обратное движение, связанное с попыткой противостоять усилению внешней интеграции, которая стала восприниматься многими государствами как угроза их самобытности, уникальности, как опасность размывания национальной идентичности, утраты культурного, национального кода и ослабления суверенитета государств.

Основная часть. В ответ на попытки всеобщей унификации в настоящее время народы все активнее стремятся отстаивать свои национально-государственные интересы, защищая традиционные ценности и право на собственный путь развития. Эта тенденция, охватывающая как крупные, так и малые нации, проявляется в различных формах – от политического суверенитета до культурного возрождения.

Одним из первых, кто системно осмыслил данную проблематику, был Карл Шмитт. В своих работах, таких как «Понятие политического» и «Теории конституционного права», он подчеркивал примат суверенитета и право принимать решения в условиях исключительности. Автор видел опасность в универсалистских идеологиях, которые, стремясь к глобальному порядку, размывают само понятие политического и национального суверенитета [1], [2].

Вслед за Карлом Шмиттом, ряд современных мыслителей продолжили развивать идеи отстаивания национально-государственных интересов. Например, Роджер Скрутон, британский

философ-консерватор, в труде «Как жить вместе», рассуждал о важности национальной идентичности и общинных связей как основе стабильного общества, критикуя при этом космополитизм, видя в нем угрозу нивелирования традиционных ценностей и культурного многообразия [3].

Нельзя не упомянуть Самюэля Хантингтона, в частности, его научную работу «Столкновение цивилизаций», в которой наглядно демонстрируется важность цивилизационной принадлежности и потенциальные конфликты, возникающие на почве культурно-ценностных различий [4].

Особое значение для понимания национальной идентичности имеют традиционные культурные ценности, которые столетиями составляли духовную, нравственную, мировоззренческую основу существования общности. Патрик Д. Бьюкенен в работе «Смерть Запада» пишет о том, что, если уничтожить записи о прошлом народа и развенчать народных героев, можно оставить его жить в невежестве относительно деяний предков и тем самым деморализовать целый народ [5, с. 237].

Очевидно, что формирование «национальной идентичности» это не просто возврат к прошлому, это открытый динамический процесс и целесообразно рассматривать данный феномен в ракурсе конкретно-исторической, национальной и геополитических реалий. Речь идет о том, что отдельно взятый народ теснейшим образом связан с национальной идеей и геополитикой. Справедливо об этом писал известный историк, философ А. Тойнби, что осознание народом чего-то родственного единого, дает возможность нации оценить свое место и роль в мировом сообществе [6]. Разделяя мнение автора, отметим, что важен взгляд народа на самого себя изнутри (образ о себе, кто мы? и чем мы отличаемся?). Это своего рода индикатор дальнейшего сценария развития народа.

Что касается пути осознания народом национальной идентичности, то интерес ученых к данному понятию в последние время возрос в связи с таким явлением, как «пробуждение» наций или как его еще называют «этнический ренессанс», ключевыми аспектами которого являются актуализация исторической памяти (нации начинают заново открывать забытые или намеренно вытесненные страницы своего прошлого); языковой и культурный протекционизм (возрождение интереса к национальному языку, фольклору и традициям становится формой сопротивления культурной экспансии); политизация идентичности (национальное самосознание трансформируется в требование политического суверенитета и признания субъектности на международной арене).

Сегодня именно степень осознания народом своей уникальности определяет его жизнеспособность. Нация, пережившая «пробуждение», обретает иммунитет к внешним манипуляциям и способность эффективно отстаивать свои интересы в полицентричном мире. Мы согласны с мнением Д.Н. Батырева, который рассуждает о том, что в современных условиях национальная идентичность подвижна, она зависит от природного и экономического капитала, социокультурных условий, технологических тенденций, политических организаций и их особенностей [7].

Как комплексный, коллективный тип, национальная идентичность конструируется на следующих взаимосвязанных элементах:

- генетический (происхождение нации, ее трансформация, содержательно связанная с национальным самоопределением);
- исторический (историческая судьба, историческая память народа);
- географический (месторасположение, климат, топография, природные ресурсы, формы жизнеустройства и хозяйственной организации);
- этно-национальный (национальный корни, старинные обряды, историко-культурное наследие, национальные мифы, повествования, стереотипы поведения, народная культура, язык, религия);
- политический (соседство с другими государствами, политическая самоорганизация, идеология, миссия и роль в мировом сообществе, территориальный контроль, имидж, образ государства);
- социокультурный (социальное доверие, суверенитет, солидарность, национальный брендинг);

– государственный (государственные символы: гимн, герб, флаг, государственная власть, государственная армия).

Конструирование национальной идентичности – это непрерывный и незавершенный процесс самоотождествления, в котором значительную роль играет идея, живущая в общественном сознании в конкретный исторический период. Для народа также важна система ориентиров – социальных координат, которые позволяют ответить на следующие важные вопросы:

– «Откуда мы?» (историко-временная координата, транслирующая преемственность поколений и отношение народа к ключевым историческим событиям, национальным героям, символам);

– «Кто мы?» (культурно-символическая координата, раскрывающая особенности национального языка, традиций менталитета, привычек, фундаментальных понятий о морали и нравственности);

– «Где мы?» (пространственно-географическая координата, фиксирующая геополитическое место страны в мире и осознание своей миссии);

– «Куда мы идем?» (социально-политическая координата, отражающая отношение к социальным институтам, национальные интересы, совместные цели, ценности, объединяющие разные социальные группы внутри нации).

Между тем, отметим, что еще в конце XIX в. американский психолог Уильям Джеймс выдвинул «Я-концепцию» – относительно устойчивую систему представлений индивида о себе, которые включали в себя установки, убеждения, оценки и мотивы поведения. Данная концепция, в первую очередь, отражала степень успешности адаптации и степень функционирования индивида внутри социальных групп [8].

Позже основоположник концепции символического интеракционизма, разработчик концепции зеркального «Я» Чарльз Кули высказал идею о том, мотивационным базисом поведения человека являются его собственные интересы и выгоды. В тоже время, человек судит о самом себе через призму зеркала отношений с другими людьми, их оценками и представлениями, который не всегда соотносится с действительностью («эффект искаженного зеркала», когда отраженное «Я» может быть адекватным и достаточно взвешенным, а может совершенно не соответствовать реальности) [9]. Таким образом, Кули затронул важную тему гетерогенности, тесной связи рефлексии и оценки, которую развил далее американский социолог, философ Джордж Герберд Мид. Дополняя концепцию зеркального «Я», Мид пришел к выводу, что огромную значимость для развития личности, ее восприятия и конструирования субъективной повседневной реальности играют акторы (отдельные личности, группы, общности), которые благодаря всеобщей системы ценностей, стандартов поведения, а также функций языка и символов, способствуют осознанному выбору принадлежности идентификации личности к определенной социальной группе, общности (возрастной, национальной, этнической, политической, религиозной и т. д.) [10].

Со своей стороны, добавим, что осознаваемая принадлежность индивида к соответствующей социальной группе формируется через активную рефлексивную работу индивида в контексте норм и практик соответствующих социальных систем. При этом идентичность – это не просто ее наличие или отсутствие, а постоянно действующий процесс самоконструирования, где субъективное вступает в сложную диалектику с структурами, дискурсами и повседневными практиками общества. Человек находится в постоянном диалоге с социальным окружением: его идентичность подтверждается через внешнее признание группой, но одновременно и трансформируется под влиянием его личного опыта.

В этом процессе критически важно сохранение баланса, согласование своего «Я» с коллективными ценностями для обретения чувства сопричастности. А учитывая тот факт, что современная гибридная реальность требует от человека способности гибко адаптироваться к быстрым изменениям окружающей действительности, личность вынуждена постоянно маневрировать между множественностью перекрещивающихся идентичностей (профессиональной, этнической, гражданской, гендерной).

Что касается сущности понятия «идентичность». Чаще всего под идентичностью понимают акт глубокого самоотождествления человека с конкретным этносом, нацией или госу-

дарством. Это чувство сопричастности базируется на принятии культурного кода, включающего в себя историческую память, уникальные традиции, язык и специфические ментальные черты своего народа.

Несомненно, идентичностью обладают как целые социумы, так и отдельные индивиды. В современных реалиях человек не ограничен одной общностью: он одновременно соотносит себя с множеством профессиональных, культурных и социальных групп. Степень этой включенности напрямую зависит от специфичности субъекта и того, насколько ценности конкретной группы резонируют с его личными установками.

Рассуждая о проблеме формирования национальной идентичности, необходимо подчеркнуть, что в современных условиях данное социальное явление окончательно утратило монолитность. Оно стало приобретать множественный, полипарадигмальный характер. Динамика современных глобальных трансформаций такова, что конструирование сильной, конкурентоспособной и адаптивной идентичности уже вышло за рамки культурной и образовательной политики. В последние годы оно перешло в разряд стратегического императива, напрямую определяющего национальный суверенитет и безопасность страны. Данное обстоятельство обусловлено следующими взаимосвязанными причинами.

Во-первых, в условиях «гибридных войн» основной мишенью выступает не столько территория государства, сколько сознание молодого поколения. Посредством современных медиа, социальных сетей коллективным Западом целенаправленно осуществляются попытки размывания ценностных ориентиров молодежи, деконструкции исторической памяти посредством следующих механизмов:

- популярного контента (игры, сериалы, блогерские обзоры) внедряются альтернативные трактовки истории, где ключевые победы народа обесцениваются, акценты смещаются на трагические или спорные моменты, а образы национальных героев заменяются универсальными «глобальными» персонажами;

- поощрение крайнего индивидуализма и культ потребления через TikTok, YouTube и Instagram, где традиционные коллективные ценности (долг, преемственность, служение обществу) выставляются как архаичные, что ведет к социальной дезориентации и разрыву связи между поколениями;

- виртуализация авторитетов, подразумевающих тот факт, что место учителей и родителей занимают инфлюенсеры, транслирующие упрощенные, часто деструктивные поведенческие модели. Поскольку эти лидеры мнений глубоко интегрированы в западную экосистему ценностей, они становятся ретрансляторами чуждых смыслов, которые воспринимаются молодежью как «современные» и «свободные»;

- внедрение новой лексики и этических норм (культура отмены, радикальная повестка), которые конфликтуют с традиционным культурным кодом;

- снижения критического порога восприятия информации (через геймификацию и развлекательный формат подаются сложные идеологические установки).

Во-вторых, в силу психологических и возрастных особенностей, сознание молодых людей отличается высокой пластичностью нейронных связей для восприятия чего-то нового, но и более уязвимым для внешнего программирования. В условиях доминирования интернет-технологий объектом целенаправленной «когнитивной агрессии» (под которой понимается системное воздействие на психические процессы с целью изменения восприятия, убеждений и поведения) является сознание молодежи.

В-третьих, в настоящее время стираются грани между онлайн- и офлайн-средой, формируется новая социальная онтология, где возникает две взаимозависимые фазы единого гибридного существования человека. При этом граница между средами стирается не потому, что исчезает физический мир, а потому что цифровое пространство становится неотъемлемой, конституирующей частью нашей реальности. Учитывая сказанное, основным инструментом формирования идентичности молодежи становится цифровая среда. По этому поводу хотелось бы вспомнить авторов идеи конструирования социальной реальности – Питера Бергера и Томаса Блума, которые трактуя мир повседневности, отмечали, что в современном нестабильном и непредсказуемом обществе стала преобладать «извне ориентированная личность», отличающаяся поверхностным общением, стандартизованностью и обезличенностью [11].

Как ранее уже было отмечено, концепция «извне ориентированная личность» как продукт общества массового потребления, находит свое гипертрофированное отражение в цифровой среде. Именно цифровая среда создает благоприятную почву для формирования нового типа человека – «платформенно-зависимая личность», для которой виртуальная среда является не просто инструментом, а конституирующей средой, источником норм, самооценки и смыслов.

Цифровая среда технологически усиливает логику «извне ориентированной личности». Ситуация усугубляется еще и тем, что короткий, клиповый формат подачи информации в интернете не позволяет сформировать у молодого поколения целостное мировоззрение, глубокое понимание истории своей страны. Историческая память посредством игровых форм подменяется определенным набором «мемов», упрощенных мифов, что ведет к ментальному разрыву поколений – ситуации, когда молодежь и старшее поколение не просто имеют различные взгляды. Они перестают говорить и рассуждать на одном смысловом языке и существовать в единой социальной реальности. Этот разрыв приобретает в цифровую эпоху качественно новые характеристики. Остановимся более подробно на них.

Итак, старшее поколение, особенно «аналоговое» с линейным типом восприятия информации, в значительной степени воспринимает мир через институционально верифицированные источники (официальные СМИ, экспертные мнения, личный опыт и вертикальные каналы передачи знаний: от учителя к ученику, от родителя к ребенку), а молодежь конструирует картину мира горизонтально и алгоритмически через социальные сети, мнения блогеров-ровесников, комьюнити в Telegram и Discord, где авторитет определяется не должностью, а количеством подписчиков.

Формирование базовых ценностей для старших поколений – это процесс формирования ценностей неразрывно связанный с коллективным опытом и институциональной устойчивостью. Это материальная стабильность (ценность долгосрочного планирования строительства или покупки жилья, «сбережения на старость», «стаж на одном заводе»), фундаментальная опора (служение обществу, личные интересы достаточно часто подчинены общественным, вера в эффективность функционирования социальных институтов государства, их лояльность (консерватизм в вопросах семьи, морали и быта, устоявшиеся социальные нормы поведения). А для современной молодежи (поколений Z и Alpha) ценностная матрица сместилась от внешних атрибутов стабильности к внутренним ресурсам и гибкости.

Старшее поколение использует традиционные механизмы передачи знаний, традиций и моральных норм от старших к младшим через собственный опыт. Молодежь же чаще находит авторитетов не среди наставников, учителей, а в цифровой среде.

Идентичность старших поколений (профессиональная, национальная, семейная) характеризуется устойчивостью, а среди молодежи все чаще встречается «текущая идентичность» (liquid identity), которая носит гибридный, контекстуальный характер. (Социальные сети позволяют человеку одновременно поддерживать несколько профилей с разными ролями. Например, в Telegram он может быть радикальным эко-активистом, в Discord – топовым рейд-лидером, а в LinkedIn – амбициозным self-made профессионалом. Важно и то, что молодое поколение реже соотносит себя в рамках большой идеологии (религии, классу или нации), предпочитает локальные и временные микро-сообщества).

Для старшего поколения время линейно (от прошлого, через настоящее, к будущему), где социальное пространство напрямую привязано к месту жительства человека и его работы. А для молодежи время сиюминутно и циклично (периодическое обновление ленты, истории и т. д.), а само пространство – сетевое и глобальное. И это фундаментальный разрыв в восприятии реальности.

Достижения молодого поколения в офлайн-среде менее весомы и их самооценка зависит от цифровых показателей. Маркером социальной значимости является количество лайков и репостов, что соответственно отражается на поведении и структуре формирования идентичности индивида.

Индивид транслирует образ, который удобен сетевой аудитории – «перформансная личность» – это отредактированный образ, психологический тип, для которого жизнь превращается в непрерывный онлайн-спектакль. Это личность, которая ищет подтверждение своей ценности не внутри себя, а вовне, ориентируясь на мнение сетевой аудитории. В отли-

чие от самодостаточной личности, «перформансная личность» страдает от дефицита внутренней опоры, так как тщательно отбирает те фрагменты своего «Я», которые соответствуют ожиданиям аудитории. Для такой личности другие люди воспринимаются не как субъекты коммуникации, а как ресурс подтверждения.

Важно отметить и то, что с помощью социальной инженерии и интернет-технологий осуществляется «когнитивная агрессия», целью которой является – перевод базовых смыслов в объект сомнения или иронии. Манипуляции осуществляются посредством создания избыточного потока противоречивой информации, навязанных извне чуждых идеологических конструкторов. Это приводит к когнитивной перегрузке, при которой человек перестает анализировать факты глубоко и переходит к эмоциональному восприятию. В таком состоянии сознание максимально открыто для внедрения деструктивных установок, ведущих к социальной апатии или, напротив, к необоснованной агрессии. Последнее подталкивает молодых людей к крайним взглядам, протестному поведению, основанному не на критическом анализе объективной исторической реальности, а на навязанных идеях. Например, благодаря популярным среди молодежи блогерам, тик-токерам, инфлюенсерам (лидерам мнений) транслируется представление об успешности как стиле жизни, в котором нет места таким категориям, как социальная ответственность, служение на благо страны. При такой системе социальных координат индивид начинает воспринимать данные категории как «архаичные», освобождая при этом место для крайнего индивидуализма и потребительской этики. Кроме того, создает благоприятную почву для внедрения различных «идеологических вирусов», а также лишает молодежь самооценки и независимого мышления.

Учитывая сказанное, защита от когнитивных искажений и внешнего управления сознания граждан – это вопрос сохранения психологического суверенитета нации, ее жизнестойкости. Для этого мы предлагаем следующую стратегию формирования «когнитивного резерва нации», включающую следующие векторы:

- интеллектуальная суверенизация личности (разработка и внедрение образовательных стандартов, формирующих у молодежи целостную картину мира, исключая зависимость от навязанных извне идеологических конструкторов);
- обучение медиаграмотности и цифровой гигиене подрастающего поколения (минимизация риска попадания молодежи под скрытое влияние деструктивных сообществ и алгоритмических «информационных пузырей», изолирующих человека от общенациональной повестки);
- развитие критического, автономного мышления (создание внутреннего «фильтра достоверности», позволяющего человеку опираться на собственные логические выводы и аксиологический фундамент нации);
- формирование вида резистентности к групповому воздействию (выработка у индивида устойчивости к «эффекту толпы», обучение распознавания технологий сетевой манипуляции);
- нивелирование когнитивных искажений в восприятии действительности (преодоление медийно-сконструированной псевдореальности);
- понимание смысла текущих событий, предполагающие переход от фрагментарного (клипового) восприятия новостей к системному анализу;
- защита субъектности (отвержение внешних инородных нарративов, формирование суверенного образа будущего нации).

Предложенная стратегия формирования «когнитивного резерва нации» позволяет не только нейтрализовать влияние внешних деструктивных алгоритмов, но и сформировать у подрастающего поколения чувство со-причастности к исторической судьбе страны.

Заключение. Национальная идентичность в современных условиях приобретает множественный, полипарадигмальный характер, однако ее ядром (неизменный код нации) остаются ценности и социальные координаты, заложенные в национальной культуре. Национальная идентичность – это не только наследие прошлого, но и стратегический проект будущего, требующий постоянного рефлексивного обновления. Именно национальная идентичность выполняет роль «социального клея», без которого государственная конструкция теряет устойчивость перед лицом внешних и внутренних вызовов.

В условиях когнитивной агрессии, направленной на молодежь, только прочная связь с национальными корнями позволяет сохранить культурную эстафету. Без этого «склеивания» времен возникает исторический разрыв, при котором новые поколения становятся ментально чужими для своих предков, что ведет к фактическому исчезновению нации как исторического субъекта.

Литература

1. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1, № 1. – С. 37–67.
2. Шмитт, К. Государство и политическая форма / К. Шмитт ; пер. с нем. О. В. Кильдюшова. – М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 272 с.
3. Скрутон, Р. Как быть консерватором / Р. Скрутон ; пер. с англ. А. Прокофьева. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 336 с.
4. Хантингтон, С. Ф. Столкновение цивилизаций / С. Ф. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Лукьянцевой. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
5. Бьюкенен, П. Д. Смерть Запада / П. Д. Бьюкенен ; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : АСТ, 2003. – 444 с.
6. Тойнби, А. Дж. Изучение истории / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. И. Б. Лапиной. – М. : Академ. проект, 2009. – 800 с.
7. Батырев, Д. Н. Дискурс национальной идентичности в эпоху глобализации / Д. Н. Батырев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 4 (35). – С. 10–14.
8. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс ; под ред. Л. А. Петровской. – М. : Педагогика, 1991. – 368 с.
9. Кули, Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули ; пер. с англ. под ред. А. Б. Толстова. – М. : Идея-Пресс : Дом интелект. кн., 2000. – 320 с.
10. Мид, Дж. Г. Избранное : сб. переводов / Дж. Г. Мид ; сост. и пер. В. Г. Николаев. – М. : НИОН РАН, 2009. – 290 с.
11. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. Е. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.